

Марк Котлярский

Непрерывность ТЕКСТА

Н о в е л л ы
и э с с е

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

Из цикла «POST FACTUM»

Мост над водами

...И он вспоминает эту мелодию, да-да, она так и называлась — «Мост над водами»; он услышал впервые эту мелодию у себя дома, лет двадцать назад; была старенькая пластинка в потрепанной обложке; и оркестр Мишеля Леграна... он озабоченно трет лоб, причем тут Легран?, нет, эту мелодию играл оркестр Поля Мориа; пластинка слегка поскрипывала под корундовой иглой, и мягкая, невесомая мелодия заполняла все пространство комнаты; мама, как обычно, в это время проверяла школьные тетради, папа был на работе; а у него был выходной; и он давно собирався послушать эту пластинку, которую ему продал насмешливый горбатенький Юзеф; Поль Мориа, у многих тогда была эта пластинка, и музыка на ней звучала легкая и стремительная, как мост над водами.....И теперь, как двадцать лет назад, звучит знакомая мелодия; но в другом городе, в другой стране; и мама умерла восемь лет назад, и папа буквально через два месяца после ее смерти сошелся с другой женщиной, спокойной и равнодушной до неприличия; кажется, что она постоянно находится в сомнамбулическом состоянии, прерываемом иногда обязательной необходимостью принимать пищу... а мелодия звучит и звучит, падая откуда-то сверху; и тут он внезапно выпадает из раздумий, из прошлого, из настоящего, из будущего; в этом уютном кафе под странным названием «Тарарам» он понимает, что и в его жизни царит сплошной тарарам; играет забытый оркестр Поля Мориа, а мост над водами — всего лишь призрачное видение, мираж, от которого щемит сердце; мираж, растаявший с последним аккордом исчезнувшей мелодии...Официантка приносит счет и, мило улыбаясь, спрашивает:— Вы довольны? Все хорошо? — Да, — отвечает он, — я доволен, все очень хорошо...

О, ангел...

По небу полуночи ангел летел...

М. Лермонтов

У меня зазвонил телефон, и я сразу вспомнил, как некий доброжелатель, вычитав в одном из моих рассказов фразу «у меня зазвонил телефон», ничтоже сумняшеся суматошно ошарашил своим признанием: «И относительно зазвонившего телефона. Этот звонок не сыграл никакой роли в последующих действиях героини; с таким же успехом Вы могли написать, что зазвенел на столе будильник. Так что, не занимайтесь плагиатом, не уподобляйтесь Чуковскому, у которого это написано с юмором и для детей».

На сей раз, правда, у меня зазвонил не обычный телефон, а мобильный, и не зазвонил, а запел, и не дома, а в машине. Мимо пролетали витальные пейзажи, зажигательную джигу, джигитую, исполнял порывистый ветер, срывая с деревьев ревматические листы и старательно разбрасывая их повсюду, как прокламации.

Наверное, на этих прокламациях было написано, что слишком много грусти накопилось в природе и слишком много печали сошло в мир; наверное, там было написано, что люди приходят и уходят — и нет согласия между ними, есть только спор и злоба; правда, Господь иногда посылает нам своих ангелов, облакая их в людскую плоть, но никто не замечает Божьих посланцев, и, опаленные пламенем неприятия, они пропадают во тьме забвения.

В тот момент, когда у меня зазвонил телефон, гонимый ветром лист прилип неожиданно к лобовому стеклу; что-то обреченное почудилось мне в этом жесте природы, какой-то сиротливостью вдруг повеяло от одинокого пятипалого листа, распластавшегося на прозрачной поверхности и прижатого жесткой щеткой неподвижного «дворника».

Звонила моя давняя знакомая, но я не узнавал ее, дрожал и ломался голос ея, как ломается легкая, зыбкая наледь; знакомая была взволнована, слезы мешали ей говорить, но говорить хотелось.

— Ты слушай, слушай, я до сих пор не могу придти в себя, — говорила она, лихорадочно роняя слова, как листья, — нет, ты слушай, как все это произошло. Сегодня утром у меня на работе раздался звонок, и какой-то человек, которого я не знаю, сообщил, что должен мне передать письмо, и что именно это письмо его попросили передать мне сегодняшним утром, непременно сегодняшним. Ты понимаешь — почему?

— Не понимаю... — признался я, все еще не улавливая, к чему, собственно, клонит собеседница.

— Да у меня день рождения сегодня, олух!

— Поздравляю...

— И в письме, которое мне сегодня передали, меня тоже поздравляли.

— Кто?

— Саша... — и тут голос ее задрожал сильнее чем прежде; она снова повторила, словно торила дорожку к чему-то запретному; словно выдыхая некую тайну, — Саша... Саша...

Тут пришел мой черед взять себя в руки: Саша умер в больнице от рака полгода тому назад. У него был роман с моей приятельницей, потом она его оставила, хотя отношения между ними остались теплыми и приятельскими.

— Почему ты молчишь? — встревожилась собеседница.

— Но... Саша... умер... Какое письмо? О чем ты?

— Он написал его перед смертью, за несколько дней до смерти, и попросил передать это послание в день моего рождения. Он написал... подожди... вот, да, вот, слушай: «...ангел мой, родная моя, прости меня, пожалуйста, что я не могу тебя поздравить сам, как обычно это всегда и происходило. Но так уж получилось. Думаю, что когда ты прочтешь эти строки, меня уже не будет на свете. Знай, что ты всегда была для меня ангелом, сотворенным из ласки и света. Поздравляю тебя...», — не дочитав, она заплакала.

— Это мог сделать только Саша... — сказал я.

— Только Саша... — эхом отозвалась она.

Саша, Саша...

Он называл свою ветреную возлюбленную ангелом, сотворенным из ласки и света; но ангелом, на самом деле, был он сам — ангелом, творящим добро; все, чего касались его крылья, вдруг озарялось светом добра.

При всем том Саша отнюдь не казался обычным блаженным или юрким юродивым; дивный талант программиста обеспечивал ему вполне пристойную жизнь, и, если бы не рак, чудовищным образом переключившийся с роком, кто знает, какие бы звезды карьеры заулыбались бы ему с прозрачных высот.

Саша никогда не жалел себя — у него просто не оставалось времени для сего эгоистического чувства. Он жалел других, и не просто жалел, а помогал, чем мог и даже больше, чем мог. Он приносил домой котенка с поломанной лапкой и оставлял его у себя, он мог приютить проститутку, которую выгнал хозяин, просто приютить, не требуя за это никакого воз-

награждения; он мог заступиться за нищего, схваченного за руку крикливым торговцем и испуганно дрожащего в ожидании наказания.

Однажды мы — несколько человек — собрались в Сашиной холостяцкой квартире; трапезничали по обыкновению. Саша любил эти «лукулловы пиры», эти лукавые застолья, заставлявшие стушеваться сутолоку серых, студенистых будней: будь что будет, считал он, но нас не убудет, если здесь и сейчас мы предадимся шумному бражничанью, раз за разом сдвигая стаканы и наслаждаясь вольной хмельной беседой.

Сам Саша пил мало, но от общения никогда не уклонялся, пьяным не потакал, трезвым не сочувствовал; он был хозяином стола, и его застенчивая улыбка освящала любое сумбурное сборище.

В тот день, во время той трапезы, внезапно отворилась дверь, и влажные от возлияний взоры оборотились на вошедшего молодого человека. А он уже спешил с рукопожатием к Саше, намеренно свидетельствуя свое почтение и демонстрируя приверженность приятным манерам.

— Это Игорь, — представил гостя Саша, — занимается всевозможными театральными проектами.

Игорь покивал головой, выпил за компанию рюмку водки, небрежно подцепил вилкой дольку лимона, сжевал его вместе с коркой, не поморщившись, и откланялся также внезапно, как и появился.

— Ребята, — сказал я после его ухода, — а ведь я знаю, кто это. И хочу заранее всех вас предупредить: ни в коем случае не одалживайте ему денег. Я знаю, по крайней мере, человек пять, которых усыпили хорошие манеры Игорька и которым он до сих пор не вернул долг. А речь идет об очень больших суммах...

— Поздно... — сказал один из сотрапезников, укоризненно глянув на Сашу.

— Поздно? — переспросил я. — Саша, ты, что, дал Игорю в долг?

— Пятнадцать тысяч долларов. Как с куста. — Ответил вместо Саши все тот же сотрапезник. — Он попросил денег на два-три дня, говорил, что это вопрос жизни и смерти. Прошел месяц...

Саша смущенно заулыбался:

— Ну, отдал и отдал. Давайте лучше выпьем за нас, за любовь, за жизнь! Сколько нам отпущено этих дней, когда мы можем быть вместе?!

Саша умер через два месяца. Ему не помогли ни оперативное вмешательство, ни тяжелые химические процедуры. Он настолько исхудал, что, казалось, любой порыв ветра мог сорвать его с места, как древесный лист, поднять вверх, закружить и забросить в разверстую бездну небес.